

ОЛЬГА КЕДУК

ОН
и женщина,
жившая у моря

Ольга Кедук

Он и женщина, жившая у моря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68738625

SelfPub; 2023

Аннотация

Женщина жила здесь всегда. У неё нет имени, она не знает своего возраста и не понимает элементарных вещей. Для неё не существует законов и правил, морали и условностей. Найти еду, воду и спрятаться от жары – вот все её потребности. Она существует, как зверь в клетке. Но почему кажется, что ей принадлежит весь мир?

Ольга Кедук

Он и женщина, жившая у моря

В маленькой комнате теплился очаг.

Даже не очаг – костерок прямо на полу. Пол был – песчаная глина, засыпанный соломой от сырости. Все это могло бы в любой миг полыхнуть, но очаг заперли в низкую глиняную крепость – из кирпичей, обожженных только с одной стороны.

Дым тонким призрачным столбом уходил в небо, моргавшее далекими звездами через дыру в потолке. Это и «труба» и единственное окно в комнате. И во всем маленьком домишке.

Здесь светло лишь в полдень. Все другое время – полумрак и дым.

В очаге тлела зола – колючка горит жарко, но быстро. Может и хорошо, что быстро. В полдень над домиком появляется солнце и греет глину стен до позднего заката. Темная глина хорошо хранит тепло.

Они сидели у очага плечом к плечу. Он по-турецки, сгорбившись, устало глядел по сторонам. Иногда – на неё. Она сидела очень прямо, как-то по-восточному, подобрвав под себя ноги и устроившись на собственных пятках.

Между ними на полу стояла старенькая алюминиевая кастрюлька, почерневшая от копоти. Кастрюлька была пуста – она никогда не оставляла объедков, а рыбы кости бросала в огонь.

Ему было одновременно спокойно и тошно.

За стеной тихо шумело море. Но теперь он обращал внимание на этот звук, лишь когда тот затихал – в штиль перед рассветом. В эти часы он тревожно вздрагивал и просыпался, таранился в темноту, потом укладывался снова и долго ворочался, пока не начинал дуть рассветный бриз. Тогда он снова засыпал.

Ему хотелось одновременно молчать и говорить.

Но эта женщина привыкла говорить лишь с морем.

Наверное, ему хотелось слушать...

– Ты давно здесь живешь?

– Давно... – она задумалась. – Нет, не давно. Я живу здесь всегда.

Он усмехнулся:

– Разве «всегда» – это не «давно»?

– Нет. – Она серьезно покачала головой. – Я знаю, сколько это – давно. Всегда – это больше.

С этим нельзя было не согласиться.

– А почему одна?

– Одна... Нет, раньше я жила здесь с мамой. Теперь одна. Мама говорила, что наверху живут другие люди – это такие же как мы.

– Наверху?

Она кивнула. В огромных зрачках отражалось оранжевое пятно очага. Когда она начинала говорить, ресницы её вздрагивали, словно она хотела закрыть глаза и увидеть всё, о чём говорит. Когда слушала – не двигалась вовсе.

– Наверху... – повторила она. – Там, на скале. Мама говорила, чтобы я никогда не ходила туда. Там плохо, потому что нет моря.

Он поглядел вверх. Сквозь редкий дым мерцали звезды. Он никогда не слышал, что в этих местах можно подняться на скалу и, напротив, спуститься к морю. Ближайший безопасный спуск в 14 километрах отсюда. А здесь... Слишком хрупкая порода, острые скалы, слишком высоко... Слишком коварные мели – даже с моря не подплывёшь. Интересно, как она ловит рыбу?

Она немного помолчала, потом заговорила снова:

– Мама говорила, что ещё там живут мужчины. Это такие, как ты?

– Да.

– Мама говорила, что мужчины – это плохо.

– Почему?

– С ними сначала хорошо, но потом они уходят, и остаются дети.

– По-твоему, дети – это плохо?

– Я не знаю, как это – дети.

– Они такие же, как мы, только маленькие.

– Как жуки?

Он усмехнулся:

– Нет. – Потом вытянул вперед руки и показал примерно полметра. Подумал, что она не поймет и движением показал полметра от пола. – Вот такие.

Она кивнула, но спросила снова:

– Они как мужчины или как я?

– Нет, они совсем другие. Такие же, как мы, только другие. Ты тоже была ребенком, давно. Помнишь, когда ты была маленькой?

– Помню. Тогда мне всегда было весело.

– Детям всегда весело.

– Тогда дети – это хорошо. Я хотела бы, чтоб мне всегда было весело.

– Нет, – он снова улыбался. – Тебе не будет весело. Весело будет только детям, а тебе нужно будет кормить их и заботиться о них.

– Тогда дети – это плохо. Лучше не уходи.

Они замолчали. Он думал, как это все-таки странно не знать таких простых вещей. Как вообще можно так мало знать? Раньше ему казалось, что в его голове есть пустота – свободное место, предназначенное для знаний, но он ленится его заполнять. Теперь же он ощутил себя по-настоящему мудрым. А её – пустой. Только глаза её почему-то были совсем не такие, как у фарфоровых статуэток и живых кукол. Не бессмысленные, не стеклянные. Они были прекрасны. А

еще она часто молчит, смотрит в костер и явно о чем-то размышляет. Разве может размышлять человек, у которого в голове пусто? Вот и сейчас она сидела неподвижно и что-то неслышно говорила сама себе.

В доме было так тихо, казалось, даже море замолчало на время. И он устал от этой тишины. Но что ей говорить?

– На самом деле... – он начал и сразу замолчал. Она обернулась, заглянула пытливо в лицо. – На самом деле, дети не появляются от того, что мужчина уходит.

– Мама говорила. – Она не спорила и не оправдывалась. Просто пояснила.

– Они появляются, когда мужчина приходит. И то, не всегда.

– Он приносит их с собой?

Он открыл было рот, но так и не придумал, что ответить. Сказать «и да, и нет» – она не поймет. Она не понимает полутонов и совершенно не умеет мыслить абстрактно. Только материальные вещи – рыба, глина, огонь, море...

– Нет, – он все-таки решился. – Они появляются у женщины после того, как мужчина пришел. Но не сразу, а почти через год. За это время мужчина может успеть и уйти.

– А что значит «женщины»?

– Женщина – это ты.

– Я не знала. Значит, почти через год у меня появятся дети?

Он даже не рассмеялся. Только вспомнил о маленьких де-

тях – лет 4х или 5ти – они тоже постоянно всё спрашивают.

– Нет. Они появляются не всегда. У тебя они не появятся, даже если я уйду.

Она кивнула, показывая, что всё поняла и запомнит.

Пепел тем временем стал того жуткого темно-красного цвета, какого бывает только венозная кровь. И еще, как оказалось, остывающий пепел.

Она поднялась.

Он знал, что это значит. Пора готовиться ко сну. Она проснется на рассвете и пойдет за водой – будет перескакивать с одного скользкого камня на другой, балансировать на узких порогах, ловить момент, когда вода схлынет и приготовится ударить в скалы новой сильной волной. Потом она ловкой ящерицей взберется на мягкий известняковый уступ, до которого еще не добралось море, и несколько часов просидит на толстой ветке старого инжирового дерева, собирая в старый бидон пресную воду. Вода по капле сочится из камня и стекает в море тонкой нитью. Пока вода набирается, женщина успеет найти на дереве спелые плоды. Она наполнит один бидон, а второй, пустой, оставит на узком уступе под родником. Заберет вчерашний, и, высоко их держа, а инжир ссыпав в подол, побежит обратно в дом.

Потом разожжет очаг, поставит греться воду. Только тогда, разбуженный звоном и шорохами, он поднимется с жесткой соломенной, пряно пахнущей, циновки, и отправится к воде умываться.

На обратном пути он встретит её – со старым латанным сачком и длинным тупым гарпуном в руках – она пойдёт за рыбой.

Чтобы хоть чем-то ей помочь, он будет до полудня бродить недалеко от дома и собирать хворост для очага и спелые плоды с редких деревьев лоха и инжира.

В полдень она вернется, сварит неизменную уху. Они съедят рыбу с плодами, а бульон она оставит на тлеющем очаге и ляжет спать.

Несколько раз в это время он пытался выходить на берег, но солнце мигом охватывало лоб раскаленным обручем, в глазах плясали черные точки, а легкие наполнялись вместо воздуха горячей морской солью.

Домик же, остыв за ночь, сохранял прохладу почти до вечера.

Она просыпалась, когда глиняные стены становились горячими. Наводила порядок, мела созревшую солому, сквозь окошко в крыше доставала новую, горячую, пахшую одновременно сеном и йодом. Его подташнивало от этого запаха.

После она разжигала очаг, грела загустевший бульон и они ужинали, пока из дыма над крышей не проступали звезды...

Он провёл здесь совсем немного, но такая жизнь уже успела ему надоесть.

Впрочем жизнь успела ему надоесть много раньше.

– Ради чего ты живешь? – спросил он сегодня.

Она обернулась сразу, поглядела удивленно. И ответила

нерешительно, даже спрашивая:

– Я... живу здесь... всегда...

– Нет. Ради чего ты вообще живешь?

Она только покачала головой. Он в очередной раз подивился её непонятливости.

– Зачем?

На этот раз она кивнула.

– Да. Не знаю. Я хотела бы жить в море, но мне трудно там быть, я устаю. К тому же там нельзя развести огонь. Мне не нравится сырая рыба.

Он раздраженно постучал пальцами по пустой кастрюле.

– Нет! Нет. Я спрашиваю, не почему ты живешь здесь. Я спрашиваю, почему ты вообще живешь? Тебе никогда не хотелось умереть?

– Умереть...

Она поглядела в очаг, словно надеялась, что среди мерцающей золы написан ответ. Робко произнесла:

– Рыба умирает, когда её достаешь из воды... А жуки – когда наступаешь на них. Они перестают двигаться... – Она не то спрашивала, не то просто размышляла вслух. Потом решила: – Нет, я не хочу умереть. А ты хочешь, чтобы я умерла?

– Нет, что ты!

Она замолчали.

– Знаешь...

Женщина не пошевелилась, но он знал, что она ловит каж-

дое слово:

– Я ведь пришел сюда, чтобы умереть...

Она молчала.

– Тогда, когда ты нашла меня. Я думал, брошусь с обрыва – меня никто не найдет, людей здесь не бывает. Я даже не представлял, что здесь может кто-то жить...

Он поднялся на ноги, размял спину. Она неподвижно глядела в очаг.

– Наверное, мне повезло. Или наоборот. Я еще не определился. – Он сказал это просто, а сам подумал, что в этом месте нужно было бы горько усмехнуться. Но она не понимает усмешек и вообще не смотрит на него.

– А сейчас ты хочешь умереть?

Как она может сидеть так долго и неподвижно?

– Я не знаю. Вроде бы мне стало хуже. Я живу здесь, с тобой, оторванный от мира... Но ты заставляешь меня жить.

Она обернулась резко и сразу безошибочно поймала его взглядом:

– Я не заставляю тебя.

– Да, конечно.

Он прошелся из стороны в сторону, пытаясь оторваться от прицела её глаз. Ничего не вышло – она ждала объяснений. И он, смирившись, снова сел рядом.

– Ты меня не заставляешь специально. Но я смотрю на тебя и оттого хочу жить. Ну, или, по крайней мере, не хочу умирать.

– Значит, ты останешься здесь?

– Нет, мне не нравится жить здесь.

– Значит, ты уйдешь.

– Пока нет.

Он потряс головой. Так он окончательно её запутает –
нужно говорить понятнее!

– Сейчас я хочу жить здесь и не хочу умирать. Но я не
знаю, долго ли буду этого хотеть.

Она кивнула.

– Но мне здесь не нравится.

Она не отозвалась.

– Но мне нравишься ты.

Она слегка нахмурилась.

– Мне... – на секунду задумалась. – Мне нравятся плоды.

И не нравится рыба. Но плодов мало, поэтому я ем рыбу то-
же. Наверное, я понимаю. Тебе не нравится мой дом. Почему
тебе нравлюсь я? Как это?

Пока он думал, как ответить, она заговорила снова:

– Есть рыба, а есть плоды – и ты выбираешь, что тебе нра-
вится, а что нет. Есть день, а есть ночь. Мне не нравится день,
и нравится ночь. Есть здесь, а есть море. Мне не нравится
здесь, а в море я хотела бы жить, но не могу. Но как тебе
могу нравиться я?

Он понял:

– Чтобы что-то нравилось, не обязательно делать выбор.

Она обернулась – лица было почти не разглядеть в темно-

те, но он и так вспомнил, какие большие и блестящие у неё глаза. Она ждала объяснений, как маленький ребенок, задающий вопросы о большой жизни.

– Когда ты жила здесь с мамой... Это было лучше, чем сейчас?

– С тобой лучше.

– А до меня? Как было лучше – с мамой или без неё?

– С мамой.

Она кивнула, сразу уловив суть.

– Значит со мной тебе лучше, чем без меня? Это значит, мне нравится мама?

– Думаю, ты её любила.

– Любила?

– Любить... Это значит, она тебе очень сильно нравилась.

– Значит, тебя я любить больше.

Его покрыла испарина. Конечно, ему не раз признавались в любви. Но никогда еще так просто.

И никогда еще так искренне.

Но понимает ли она, что такое любовь?

Ему вновь стало тошно.

– Что с ней случилось?

– С кем?

– С мамой.

– Она ушла жить в море.

Он усмехнулся.

– Тебе было плохо тогда? Когда это произошло?

Она задумалась, и он вспомнил, что не стоит спрашивать её о времени. Она очень странно его измеряет: сегодня, вчера, давно и всегда.

– Это произошло давно. – Он кивнул. – Мне было... – она медленно продолжала. – Плохо. Пришлось всё делать самой.

Он удивился:

– Только поэтому? А ты не грустила?

Она поняла это иначе:

– Я бы тоже хотела жить в море, но мне тяжело постоянно там быть. Наверное, маме не тяжело, раз она ушла. Может, когда-нибудь я тоже смогу. Ты пойдешь со мной?

– Что это значит – жить в море?

– Это? – она удивленно посмотрела. Наверное, у него был такой же взгляд, когда она не понимала элементарных вещей. – Это – жить. Но не здесь, а в море. Там всегда прохладно, там не нужно прятаться от солнца. Вода такая мягкая – я хотела бы постоянно быть в воде. Маме тоже нравилось море, и она ушла туда жить.

– Но она же умерла? – вчера, когда она говорила о матери, ему это было очевидно. С другой стороны она ни разу не упоминала её смерть, не говорила, почему осталась одна.

Теперь она удивилась еще больше:

– Нет. Умирает рыба, когда достаешь её из воды. А мама ушла жить в море. Там жить лучше.

Он только развел руками, но так и не нашел, что сказать.

– А может, она ушла за море. Мама говорила, за морем

что-то есть, но я никогда не могла это понять.

– Чего?

– Что за морем что-то есть. Это значит, что море где-то перестает быть, и появляется что-то другое. Но ведь это невозможно...

Он обескуражено взмахнул ладонями, словно пытаясь ухватить ускользающий здравый смысл.

– Как это?! – он воскликнул слишком громко, и женщина вздрогнула.

– Я не знаю. – Она заговорила тихо и робко. Она была огорчена, что обидела или расстроила его. – Так говорила мама. Говорила, где-то море кончается...

– Но ведь оно не может быть бесконечно!

– Почему?

– Ну... что такое бесконечность?

– Это... – она задумалась всего на миг, и сразу ответила – как о совершенно очевидном. – Это как море. Это когда оно не заканчивается. Очаг маленький, – она коснулась рукой одного края очага, – здесь он начинается, – провела пальцем по теплой глине до противоположной стороны. – А здесь кончается. Скалы – большие, они кончаются не сразу, нельзя сразу дотронуться до их начала и конца. А море и небо – они не большие и не маленькие. Они просто. У них нет конца. Я не могу понять, чтобы у них был конец.

Они сидели тихо-тихо. Море пело за стеной. Наверное, если непрерывно слушать эту песню, тоже поверишь в бес-

конечность...

– А иногда... – женщина почти шептала, не желая его тревожить. Ведь впервые за всё время он сидел неподвижно и глядел на кровавый пепел – так, как очень нравилось ей. – Иногда мне кажется... что море – это и есть небо... только очень-очень далеко...